

Илья Бояшов

АРМАДА

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Илья Бояшов

Армада

«Издательство К.Тублина»

2007

Бояшов И. В.

Армада / И. В. Бояшов — «Издательство К.Тублина»,
2007

Некое государство снарядило свой флот к берегам Америки с целью ее полного уничтожения. Но, когда корабли уже были в походе, произошла всемирная катастрофа – материки исчезли. Планета превратилась в сплошной Мировой океан. Моряки остались одни на всем белом свете. И что теперь делать brave воикам?

© Бояшов И. В., 2007

© Издательство К.Тублина, 2007

Илья Бояшов

Армада

План был исключительно прост – под видом дружественного визита снарядить корабли, подойти к Америке и накрыть ее термоядерным залпом – страшно и навсегда. «Прихлопнуть» – как любил говаривать Адмирал на сверхсекретных совещаниях Адмиралтейства, наглядно ударяя при этом ладонью по раскинутым картам. Его доводы одобривали. Оппозиция в Генштабе, убежденная, что войны теперь ведутся иными средствами, была посрамлена, и на последнем Совете молча складывала чемоданы. Президент, напротив, заинтересовался. Старая добрая стратегия Адмирала сводилась к тому, что государству просто-напросто следует неожиданно шарахнуть из всех имеющихся торпедных аппаратов, ракетных установок и орудий и одновременно выплеснуть на противника накопленные миллионы тонн тротила. Ядерная зима? Чепуха! В стране много леса, и ничего не стоит отсидеться в подвалах в обнимку с буржуйками. Главный интендант государства докладывал – консервов, даже по самым пессимистическим прогнозам, хватит на пятьдесят лет вперед. Кроме того, автора мгновенного удара горячо поддержали танковые генералы, мечтавшие выпустить свое моторизованное стадо попасть на травке. Правда, помощник Начальника Генерального штаба («драповое пальто», как презрительно окрестили кадровые вояки переучившихся студентиков, забритых в армию после университетов, да так и оставшихся в ней по какому-то недоразумению) – тощий, согнутый генерал-лейтенант – пытался еще высокомерно учить их, старых драных волков. Безнадежно он объяснял следующее:

– Государство, не готовое к войнам шестого поколения, обречено на разгром, ибо для противостояния необходимы иные средства. Нам следует прежде всего создавать космические войска. – Выскочка оглянулся на забронзовевших танкистов. – Еще и еще раз утверждаю, господа, – будущее за спутниками!

Здесь вмешался Президент, резонно спросив:

– Как у нас обстоят дела с шестым поколением?

На это Адмирал ответил просто и незатейливо:

– Совершенно никак! Вот потому-то и предлагаю «Удар Кувалды».

Однако помощник Начальника Генштаба, словно не слыша, продолжал гнуть свое:

– Космическая разведка обязана вести непрерывное наблюдение за целями, обеспечить управление войсками, предупреждать о ракетном нападении...

– Сколько у нас аппаратов? – перебил Президент.

– Один, – ответили ему.

– К черту космическую разведку!

«Драповое пальто» упорно бубнило:

– Для достижения успеха стратегическая воздушно-космическая операция должна включать в себя два этапа. В первые двадцать суток наносятся массированные удары с целью уничтожения ПВО, оборонных объектов и органов управления. На втором этапе следует применить сосредоточенные на орбите лазерные пушки. Победа достигается за счет разрушения экономического потенциала – при чем здесь танки?

– Бросьте молот чепуху! – кричали танковые генералы.

«Пальто», поправляя тонкие, с аристократической дужкой очки, вызывающе отвечало:

– Ваши чудища достойны занять место в музеях археологии. Эти мастодонты может спалить любой мальчишка, умеющий обращаться со спичками! Они горят от чего угодно, не успевая дойти до места боя, а кроме того, жрут столько ГСМ, что в первый же день войны мы вылетим в трубу!

– К черту, к черту! – кричали танкисты.

Помощник Начальника Генштаба печально сказал:

– Господа! Бронетехника и корабли в войне будущего теряют всякий смысл. Любой беспилотный бомбардировщик, наведенный спутником, наломает в три раза больше дров.

– Сколько нам нужно беспилотных бомбардировщиков? – спросил Президент.

– Не менее трех тысяч.

– Сколько есть?

– Двадцать.

– Мне все ясно. – Президент окинул взглядом высокое собрание столпившихся возле стола золотопогонников. – Итак, все имеющиеся самолеты – на наши авианосцы. В час «икс» назначаю «Удар Кувалды». А вы, мой Адмирал, с этого момента можете распоряжаться всем, что предоставит вам держава.

Держава предоставила невообразимый линкор «Убийца Неверных», два авианосца – «Чудо» и «Юдо» и чудовищные эсминцы прикрытия, только что спущенные со стапелей, – «Отвратительный», «Задиристый», «Бешеный», «Гневный», «Злобный» и «Сволочной». По замыслу Адмирала «Удар Кувалды» превращал Штаты в единый гигантский Перл-Харбор. Затем высадившиеся в Нью-Йорке морские пехотинцы должны будут довершить разгром. Именно поэтому в десантные трюмы «Убийцы» загрузили не только водоплавающие танки, но и джипы, подаренные все теми же наивными американцами Особому корпусу морской пехоты. На джипах предполагалось молниеносно добраться до радиоактивных руин Вашингтона.

Разумеется, все осуществлялось в глубокой тайне. В портовом городе N тотчас начались приготовления. Цейхгаузы завалили таким количеством имущества, что растерялись даже матерые интенданты. Цены на черном рынке стремительно падали. Ко дню выхода Армады в море «шинели офицерские утепленные», рукавицы на меху, полушубки, бушлаты, клеши и тельники продавались буквально за копейки. Не осталось ни одного ангара, не забитого доверху никому не нужным барахлом. Порт, в котором оснащались корабли, щеголял теперь в «ватниках арктических», и даже грузчики работали в подбитых мехом «сапожках выходных адмиральских». Однако прорва медикаментов, труссов, кальсон, одеял, сапог и запчастей ко всевозможным агрегатам по-прежнему продолжала сыпаться на склады, как манна небесная. Сотни тысяч трудяг выбивались из сил, растаскивая запасы. Кроме уже упомянутых интендантов, сновали тыловые крысы-полковники, далее шла очередь лейтенантов-снабженцев, за ними едва поспевали мичмана, за мичманами в очередь становились команды, занятые на погрузках. Консервы, туалетная бумага, папиросы «Матросская душа» и одеколон «Раскинулось море широко» летали туда-сюда. Потрошили все, что могли, но привозимого не убавлялось. Составы доставляли к причалам новые контейнеры – и по городу N, а затем и по остальным городам и весям необъятной страны поползли зловещие слухи о готовящейся Цусиме.

Флотским было не до слухов. Артиллеристы, чуть не рыдая, бесполезно спрашивали начальство, что делать с сотнями тысяч тонн боеприпасов, сваливаемых в суматохе на всех пирсах. Артпогреба заполнились до отказа. Торпеды, ракеты и мины лежали на палубах горами. Традиционно избиваемые старослужащими первогодки устраивали себе спальные места на атомных бомбах, которых было столь много, что считали их довольно рассеянно. Тридцатичетырехдюймовые снаряды главного калибра поднимали на флагман специальными кранами. Для подстраховки по всему линкору раскладывали мягкие маты, ибо уже были случаи срыва «болванок» с тросов, и только заводской брак помог избежать вселенского взрыва. Долгое время на причалах бесхозно валялись ящики с никому не нужными толовыми шашками. Их отбрасывали в сторону. На них присаживались покурить выдавшие

виды боцманматы. Когда ведомства утрясли вопрос и шашки решили все-таки загрузить, выяснилось, что все привезенное пропало. Через день грохнуло на пустырях за местной скотобойней. Следом уверенно прогремело на Центральном рынке – и пошло гулять, погромы-хивать каждую ночь то за одной, то за другой сопкой. Взлетела на воздух машина мэра. От гражданского начальника порта осталась окрошка. После этого бразды правления перешли в руки Адмирала и развернулось настоящее следствие. Через три часа был схвачен с поличным шупленький капитан-лейтенант, у которого не ладилась продажа на сторону электромоторов и запчастей для валов и турбин. Он решил последовать примеру более удачливых товарищей – те сплавляли местным китайцам для праздничных хлопушек активную броню с танков морской пехоты. Дело тут же завершилось. На виду у пригнанных трех тысяч обозленных, замотанных погрузками матросов капитан-лейтенанта расстреляли. Его стоптанные ботинки еще долго торчали из пустого ящика, в который он рухнул, не успев даже вытереть сопки. Та к как все на Армаде, ввиду надвигающихся событий, считали, что дело труба, подобная расправа не произвела никакого впечатления. Тем более что после того, как боеприпасы были распределены и уложены, на очищенные площадки порта тотчас поступили новенькие, празднично отливающие на солнце цинковые гробы. В тот день увольнительные выдавались всем, кроме трюмных, – знак более чем зловещий. И старшины, и выдавшие виды капитаны первого ранга ринулись в город. Бордели были заполнены под завязку. Любая смазливая девчонка шла «на ура». Школьницы близлежащих лицеев, продавщицы ларьков, унылые портовые шлюхи неслыханно разбогатели. Участились случаи изнасилований. Некоторые негодяи не гнушались старухами.

Наконец ватерлинии линкора, эсминцев и авианосцев безнадежно ушли под воду, Министерство иностранных дел выступило со специальным заявлением о том, что еще до визита к берегам дружественного государства состоятся морские маневры. Американскому послу, дабы избежать обоснованных подозрений, был подарен говорящий медведь.

Последний эшелон доставил в порт одичавших за время недельного пребывания в теплушках резервистов. И хотя сборы не объявлялись уже давно (поговаривали, что Президент отменил их), многие «партизаны» добросовестно явились на призывные пункты. Несчастливым пообещали вольную жизнь за счет Адмиралтейства в течение трех недель, а затем – заслуженный отпуск. Всех этих людей бессовестно обманули. Кроме сантехников, учителей, работяг, которые имели счастье лет двадцать назад на собственной шкуре испытать все прелести службы на имперском военно-морском флоте, немало отправили на Армаду и обыкновенных уголовников из штрафных батальонов. Эти мерзавцы громко радовались свободе и всю дорогу пили водку и резались в карты, отчего их физиономии в свете солнечного дня приобрели свинцовую безнадежность. Привезенное быдло немедленно погнали на корабли. Время от времени в толпе раздавалось характерное похрустывание – то затаптывались соскальзываемые с носов очки интеллигентов.

– Куда нас? – слышались в гробовом молчании отдельные голоса.

Конвоиры только угрюмо сплевывали. Тех, кто пытался спастись и бежать, били прикладами по хребтинам.

После того как толпу загнали в трюмы, на пирсах горами осталась лежать одежда. В суматохе, догола раздев десять тысяч приговоренных, их забыли переодеть в робы. И еще целые сутки, прижавшись друг к другу в железных коробках трюмов, бывшие учителя и сантехники причитали и плакали, сокрушаясь о безбедной гражданской жизни. Время от времени открывались люки и сердобольные матросики бросали им куски засохшего хлеба или сырой картофель. Их даже не водили в галюн. Подобное обстоятельство и вызволило несчастных из забвения, ибо запахи наконец достигли двадцатого яруса фок-мачты, на кото-

ром находился штаб Адмирала. Потянув носом воздух, он распорядился позаботиться об этих «проклятых штатских», проклиная Адмиралтейство за такую подмогу.

– На нас заранее поставили крест, – браво заявил он дежурному Первому флаг-капитану, откровенному и наглому лизозаду. – Тем лучше! Для чего тогда и содержат военных людей? Для чего их одевают, кормят, поят, дают с тоски спиваться в казармах и отпускают к потаскушкам?

Первый флаг-капитан затруднился ответить, преданно ожидая заключения.

– А все для того, чтобы в нужный момент бросить в горнило смерти!

– Так точно, – дрогнувшим голосом согласился карьерист флаг-капитан, до последнего дня надевшийся, что благодаря заступничеству своего дяди – шофера министра обороны – его переведут в столичный гарнизон. Правда, подлец дядя так и не пошевелился!

– И это прекрасно, молодой человек! – воскликнул новый Рождественский. – Разумеется, нас накроют с какой-нибудь недобитой базы, но зато какой жирный след мы оставим в истории. Мы прихлопнем их, как клопов, – от Техаса до Аляски! Вы были в Техасе? Я был – в составе делегации на празднике Братания Народов. Какое там пиво! Я участвовал в родео. Славные были денечки... Ну что? Разобрались с этими засранцами?

Первый флаг-капитан доложил, что замаравшихся и дрожащих «партизан» наконец-то доверили судовым баням.

– Вот-вот, и не жалеть мыла, – распорядился Адмирал и хлопнул ладонью по карте, накрыв ею район от Вермонта до Калифорнии. – Черт подери, я буду не я, если они у нас не поскачут, как блохи!

И захохотал так, как может хохотать только человек с чистой совестью.

Все шло по плану. «Партизан» окатывали из шлангов грязной забортной водой и выдавали им такое тряпье, которое постыдились бы надевать нищие средневекового Лондона. Горнисты не успокаивались. Ровно за пять часов до отплытия по сходням, закачавшимся, словно цирковые канаты, тяжело протопала морская пехота. Это были поистине мулы Мария: каждый здоровенный двухметровый пехотинец сгибался пополам под тяжестью армейских рюкзаков, автоматов и базук. Тяжеленные шлемы, делавшие пехотинцев похожими на марсиан, болтались на поясных ремнях. Дабы довести морскую пехоту до состояния полной неизбывной ярости, ее на парашютах, подобно семенам одуванчиков, рассеивали над джунглями, вдавливали в песок всех мировых пустынь, заставляли ползком пересекать тундру и питаться ягелем и леммингами. Битье бутылок о головы практиковалось ежечасно. Некоторых из молодцов приходилось вязать даже после учебного боя, словно берсерков. Разместили всю перегруженную ножами и гранатами свору отдельно от остальных смертных, заперев в особых палубах, где уже стояли водоплавающие танки. Общение с дикой ордой всем было строжайше запрещено.

Адмирал был горд их видом.

– Эти все в ключья разнесут, – резюмировал он, наблюдая за погрузкой. – Пехотинцам – усиленный рацион и в день, обязательно, по живой крысе. Ребятам нужна свежая кровь. Распорядитесь насчет пустых бутылок! Никуда не выпускать их! Злить, злить и злить. Морпех должен быть свиреп, словно хряк перед случкой!

С такой же отеческой любовью озирали Адмирал и носовые башни главного калибра своего флагмана, громоздящиеся одна на другую. Стволы орудий, растопыренные, словно пальцы Гулливера, навевали ему воспоминания о его собственном артиллерийском прошлом. Начинал он службу вторым мичманом резервного расчета и частенько вспоминал о тех славных временах. До сих пор Адмирал обожал снаряды, высотой с трехэтажный дом,

которые элеваторы неторопливо доставляли к столь милым его сердцу затворам, и не мог надыхаться пороховым угаром. Громы выстрелов, суета прислуги в башнях, крики дальномержиков, потрескивание в наушниках – все это и по сей день доставляло ему неопишное наслаждение. Особенно приятно было следить за тем, как, кувыряясь, тысячетонные чушки уносятся за горизонт и превращают мишени в сплошное месиво.

И вообще «Убийца Неверных» потрясал воображение. Три и миллиона тонн водоизмещения, двенадцать тридцатичетырехдюймовых стволов в четырех башнях, восемьсот ракетных установок в контейнерах по бортам, двадцать тысяч человек экипажа – линкор был настоящим чудовищем, рядом с которым японо-императорский «Ямато» казался ничтожной соринкой! На двадцать пять этажей вздымались его мачты, четырнадцать атомных реакторов насыщали его невиданной энергией. Это был настоящий город, уходящий под ватерлинию еще на шестьдесят метров, с просмотровыми и спортивными залами, саунами, госпиталями, камбузами, прачечными, двух- и трехкомнатными каютами для высших офицеров. Его электростанции способны были питать целые государства. В его пекарнях ежедневно выпекалось сто пятьдесят тысяч буханок хлеба. Когда исполин выходил в море, на сотни миль по побережью разносилось штормовое предупреждение. Развивая скорость до пятидесяти узлов, «Убийца Неверных» вызывал в океане волны, подобные цунами. Более двенадцати тысяч тонн взрывчатых веществ выбрасывал этот левиафан при одном лишь залпе главного калибра. Он изрыгал огонь своих пяти тысяч шестиствольных пушек, ставя непреодолимую завесу для вражеской авиации. Он мог всадить одновременно восемьсот ракет во все стороны света и накрыть ими целые материки, его подводные торпедные аппараты доставляли вражеские субмарины в радиусе до тысячи миль. Двести тысяч компьютеров были подчинены головному мозгу – гордости и величайшей тайне «оборонки» – Центральному посту, электронная начинка которого совершала до четырехсот триллионов операций в секунду. Когда «Убийца Неверных», заполненный всем необходимым, битком набитый людьми, боеприпасами, крысами, размножающимися в его трюмах с невероятной быстротой, готовился к выходу, сотни океанских буксиров сновали взад-вперед возле его отливающего металлом гигантского брюха.

Авианосцы «Чудо» и «Юдо» не уступали главному любимцу Адмиралтейства. Ко всему прочему, помимо пяти тысяч истребителей, располагавшихся на взлетных палубах и в ангарах, на их борт за час до отплытия сели давно ожидаемые «стратеги», способные за несколько часов облететь земной шар. Серые, плоские, словно блины, висели они над городом, прежде чем совершить посадку. От рева их турбин вылетали все стекла в округе, дрожали дома, лаяли и выли собаки и металась кошки – это было зрелище, достойное Апокалипсиса.

Эсминцы типа «Отвратительный» лишь по капризу разработчиков считались эсминцами. Их создатели так же безнадежно болели гигантоманией. Восемнадцатидюймовые стволы превращали в крошево любую броню. Разумеется, на каждом стояло по новейшей атомной установке, способной разгонять корабли до восьмидесяти узлов. Эсминцы преспокойно выдерживали семибалльный шторм – при этом не требовалось даже включать стабилизаторы килевой и бортовой качки.

Что касается корабельной иерархии, в нижних палубах линкора, авианосцев и эсминцев обитали трюмные – существа, подобные мерлокам Герберта Уэллса. То были настоящие парии, каста неприкасаемых, узники, на веки вечные отправленные на самое дно. Обычно после военного суда (если обвиняемого не расстреливали на юте) открывались вентиляционные люки и очередного приговоренного сбрасывали в геенну корабельную. Обитатели

верхних палуб, исключая механиков, не видели эту чернь годами. Механики же утверждали, что от постоянной копоти и сырости трюмные обрастают неприятной редкой шерстью и их глаза, привыкшие к постоянной тьме, обретают особую фосфоресцичность. По праздникам подвыпившие мичмана бросали в люки и шахты бутылки с виски. Время от времени они слышали внизу приглушенный расстоянием одобрителный вой, означавший, что очередная бутылка не разбилась и попала в руки отверженных. От подобного воя у особо впечатлительных офицеров начинали бегать по коже мурашки.

В кают-компаниях рассказывали всякие ужасы о том, что творится среди человекоподобных. Говорили – трюмные сбиваются в дикие стада, выбирая себе вожаков. Среди них распространены мужеложство и каннибализм. Отверженным в своей среде они наголо обривают головы остро отточенными ножами и осколками зеркал. Перекликаются они между собой короткими нечленораздельными криками, лупят себя в грудь, подобно гориллам, и повинуются только плетям. Время от времени у них происходят войны за лидерство – побежденных сжирают живьем вместе с костями и кожей.

Матросы верхних палуб составляли самое многочисленное племя с подразделениями внутри него – от щеголяющих своим барским положением боцманматов, вестовых и официантов до презираемых всеми салаг. Среди последних наиболее часто случались помешательства и самоубийства. Подобно трюмным, первогодков не считали за людей. Им не полагалось иметь собственные рундуки, и спали они где придется. Но даже ночью безжалостные старшины и боцмана вытаскивали этих несчастных из баталерок, выковыривали из дальномерных постов, отдирали от сидений зенитных комплексов и постоянно строили, гоняли и занимали бесполезной работой. Разумеется, молодых посылали в самые опасные места. Все это мучительство продолжалось не менее года, после чего оставшиеся в живых могли свободно вздохнуть и перебраться в кубрики, где к их услугам уже были койки, где ежедневно кормили борщом и макаронами по-флотски, наливали компот и даже выдавали по кубику масла.

Вольнонаемные механики иногда даже поднимались в званиях до капитан-лейтенантов. Эта низшая каста офицерства являлась своеобразной прослойкой между матросскими кубриками и роскошными кают-компаниями первого и второго классов. Постоянно озабоченные, в засаленных тужурках и пилотках, завсегда таи турбинных отсеков не вызывали особой радости у представителей командования, но офицерская молодежь часто приглашала «черные воротнички» на свои пирушки. Правда, капитаны третьего ранга уже не подавали «технарям» руки. Господа капитаны третьего ранга предпочитали иное общество и расхаживали начищенные и сверкающие, словно камбузные чайники.

Элита – капитаны первого и второго рангов, летчики палубной авиации, начальники артиллерийских башен и ракетных дивизионов, флаг-капитаны, врачи, электронщики, радиоразведчики, «особисты» – были истинными небожителями, обитающими на многочисленных ярусах фок- и грот-мачт. Именно для элиты создавались роскошные бары линкора и авианосцев, интерьер которых мог поспорить с интерьером самых дорогих ресторанов и борделей. Подобных баров только на «Убийце» насчитывалось пятнадцать. Разумеется, обедать и ужинать в них было по карману разве что старшим интендантам, контр-адмиралам и флаг-офицерам из адмиральского штаба. Подобные господа имели в своем распоряжении и специальные автокары для объезда верхней палубы во время приборок и инспекций.

Кроме того, по штату Армаде полагалось иметь целое отделение служителей Господних. На коробках несли службу десять православных священников, два ксендза, мулла, раввин и бурят-лама, в отличие от многословных отцов ограничивающий свое учение притчами.

Адмирал, откровенный атеист и циник, часто зазывал служителей к себе в каюту: ему нравилось стравливать конфессии, навязывая им бесконечные споры. Он с удовольствием

подливал масла в огонь и не уставал поддерживать между православием и католицизмом столь знакомый костерок недоверия.

Ранним утром Армада снялась с якорей. Несмотря на то что час отплытия держался в глубокой тайне, город был уже возле причалов, оплакивая уходящих. Люди передавали друг другу достоверные сведения о том, сколько ракет полетит в сторону Америки во время первого залпа и сколько – во время дополнительного, если в нем возникнет нужда. Никто из многочисленных провожающих не сомневался – после великолепного фейерверка жить всему этому скопищу посуды останется считанные секунды. Проститутки и школьницы ревели как белуги.

Ах, как было бы славно – ударить и самим взлететь на воздух! К этому заранее готовились, этого ожидали. Однако, когда корабли на полных парах уже понеслись к Нью-Йорку, случилось невероятное.

Вахтенные линкора первыми осознали ужасную истину – одновременно провалились куда-то целые материки. Африка, Евразия, Австралия, остров Пасхи и Гавайи не подавали больше о себе никаких вестей. Испарились Канары и Сейшельские острова. Подобно Атлантиде растворился Цейлон. Радиоэфир замолчал, как поперхнувшийся, – ни истеричного вопля комментатора с матча по бейсболу, ни никарагуанских народных песен, ни призывного стука тамтама, ни монотонного бормотания тельавивского раввина. Более того – небо свихнулось: солнце полетело в обратном направлении, звезды перемешались, как в разбитом калейдоскопе. По всей видимости, произошла грандиозная катастрофа. Невидимые щупальца лучей, посылаемые во все стороны света, возвращались на «Убийцу», так ничего и не уловив. Монотонный шум волн да брачные стоны китов – вот все, что осталось от мира. И что самое обидное – противник, по которому торопились нанести столь уникальный в истории упреждающий удар, не дождавшись его, канул в Лету со своей столицей и всеми военно-морскими базами. Теперь Адмиралу, по всей видимости, не дано было стяжать лавры Ямамото: все, что подлежало уничтожению, само смылось без всякого следа – океан гулял на том месте.

Разумеется, когда Самому донесли ошеломляющую весть о тотальном одиночестве Армады в Мировом океане и о той непонятной силе, которая поглотила континенты, он позволил себе не поверить в очевидное. Вспышка гнева, последовавшая за донесением, никого не удивила. Вдоволь выпустив пены и наплясавшись на своей фуражке, старик сделался деловит и решителен. Он приказал арестовать вахтенных, чтоб не сболтнули лишнего, немедленно приготовить к вылету бомбардировщик-разведчик и вызвал к себе командира экипажа.

– За сколько минут ты проскочишь всю Землю, сынок?

– Потребуется часика два... Если ветер будет попутным, – пошутил разбитной лейтенант.

– Лети помедленнее и гляди в оба! заметишь хоть один островок на западе, хоть малую часть Флориды, хоть пески, – немедленно информируй.

Затем, не вынимая изо рта любимой гаванской сигары (их поставляли на мостик целыми ящиками), Адмирал повернулся к Главному интенданту:

– Сколько мы еще сможем болтаться в море?

– Теоретически – всю жизнь, мой Адмирал! – отвечал тот немедленно.

– А практически?

– Запасы еды и топлива бесконечны, – отчеканил Главный интендант.

– Действуй, парень! – благословил Адмирал пилота. – И не забудь напомнить своим летунам – пусть все осмотрят.

Авианосец «Чудо» – огромная, сверкающая огнями глыба, – тяжело оседая, развернул нос по ветру.

– Почему не гидроплан? – волновались, еще ничего не зная о катастрофе, только что оперившиеся после корпуса мичмана. – Господа, почему не простой разведчик?

– Дальность полета не та, – снисходительно объясняли им с адмиральского мостика.

Один вольноопределяющийся, по всей видимости неплохо разбиравшийся в авиации, громко читал лекцию товарищам:

– Бомбардировщик-разведчик класса «Ворон Одина» входит в состав стратегической авиации. Дальность полета фактически неограниченна, потолок двадцать пять тысяч метров, скорость превосходит звуковую в двадцать семь раз, вооружение...

– Достаточно, – перебили его. – Ясно одно: если в дело пускают «стратега», здесь что-то не так!

Молоденький штурман твердил:

– По моим подсчетам, мы уже возле Карибских островов. Судя по всему, удар откладывается. Что-то произошло, но старик как воды в рот набрал!

– Как бы старый пердун не добавил отсебятины! – волновалась молодежь. – Он допрыгается, что янки обо всем догадаются. А какой момент! Если уж дать, так сразу, в лоб, как японцы! Какие молодцы эти японцы...

Адмирал, делая вид, что не слышит этой возмутительной фронды, заложив руки за спину, ходил взад-вперед перед своей свитой.

Бомбардировщик-разведчик, чудо из чудес, способный за секунды пожирать сотни миль, нес на крыльях и фюзеляже столько бомб и ракет, что издали походил на ошетилившегося ежа. Сверкнув всеми своими плоскостями, кабинами, ракетами и бомбами, он исчез, оставив стелящийся над океаном тяжелый дымный след, который долго не развеивался, несмотря на ветер.

Начальство пережило бессонную ночь на мостике. Приговор вернувшихся разведчиков был жесток – на всем направлении запад-восток даже щепки не удалось обнаружить.

– Не могу поверить! – воскликнул Адмирал, приказав взять под стражу переутомленных летчиков. – Неужели не осталось ни одной шаланды? Должны же быть хотя бы корабли в море. Хоть один авианосец. Должен же я, в конце концов, обрушить всю нашу мощь хоть на какой-нибудь буксир.

Его ничем не могли утешить.

Адмирал обратился к собравшемуся штабу и командирам всех кораблей, срочно вызванным на совещание:

– Это какая-то абракадабра, господа. Не могли же мы свалиться на другую планету! Еще вчера эфир бурлил новостями, Атлантика кишела «тюлькиным флотом» и «торгашами». Сухогрузы сновали туда-сюда, в глазах от них рябило!

Собрание, сверкая эполетным серебром и золотом и позвякивая аксельбантами, почтительно ожидало, когда старик полностью выскажется.

– Я пришел к выводу, что, по всей видимости, противник разгадал наш маневр и применил какое-то доселе неизвестное оружие. Не сомневаюсь, что все осталось на своих местах, просто радары ослепли или еще что-нибудь с ними произошло.

– Ну да, а гидроакустики мгновенно потеряли слух! – саркастически усмехнулся Главный электронщик, подмигивая Главному интенданту.

– В конце концов, должно быть этому объяснение! – продолжал Адмирал. – Как ни прискорбно, но в случае, если нас раскусили, нашим планам не суждено осуществиться. Мы в ловушке!

– Ничего подобного, – парировал Начальник штаба. – Радары совершенно исправны. Просто уже более суток не замечено ни единой цели, хотя еще день назад океан бороздили тысячи кастрюль. Специалисты засекали до шестисот целей. Более того, за час до происшествия наш курс пересек «Джон Кеннеди» с эскортом эсминцев.

– По всей видимости, произошло нечто из ряда вон выходящее, – открыл наконец Америку Главный метеоролог, усталый, пожилой капраз. Он славился на Армаде тем, что, подобно Нельсону, за все тридцать пять лет службы так и не мог привыкнуть к малейшей качке. – Возможно, причина кроется в гигантском метеорите, который...

– Чушь! – перебил Главный электронщик, слывший среди военных нешуточным интеллектуалом. – Младенцам можете пороть весь этот бред. Вы просто не представляете, что бы произошло, если бы небесный камень диаметром хотя бы с километр свалился в радиусе до тысячи миль от наших кораблей. Удар вызвал бы гигантские волны, которые смели бы все на своем пути – я уж не говорю о мощнейшем взрыве, тепловом эффекте и прочих последствиях. А здесь налицо тот факт, что потонуло все в округе, а мы остались целы и невредимы!

– И все-таки, вполне возможно, что противник смог отразить все наши посылаемые волны, напустив какого-нибудь гипотетического тумана, – заявил Первый флаг-капитан, когда Главный электронщик закончил и вытирался платком.

– Пока я сторонник этой версии, – вмешался Адмирал. – И вообще, господа, пройдемте в пост, иначе эти мальчишки-мичмана ловят обрывки разговоров и невесть что себе воображают...

Вся компания зашла в Центральный пост – огромный, опоясывающий фок-мачту отсек, где были расположены два мегакомпьютера и пульт управления. Главный электронщик, утирая с лысины благородный пот, решил преподать урок старому барану и его бестолковому стаду и не смог удержаться, чтобы не прочесть короткую лекцию насчет волн, о которых штабные, видимо, не имели никакого представления. Адмирал не возражал. Вестовой услужливо приготовил экран, и Главный электронщик взялся за указку, терпеливо и нудно объясняя:

– Несколько слов о волнах, господа! Да будет вам известно, что звуковой волной называется передающееся по телу чередование сгущений и разрежений... Обратите внимание – шар, совершающий колебания, является источником волны. Обозначим сгущения буквой С, разрежения – буквой К... Что мы видим? – несколько надменно обратился Электронщик к толпе высших офицеров. – Шар совершает колебания, он не может их не совершать. Волны такого типа называются продольными. Это значит, что при распространении волн в передающей среде молекулы среды колеблются вдоль направления, в котором распространяются волны.

Указка плясала в его руке.

– Так-с! Идем дальше... Что называется длиной волны, амплитудой и частотой? Изобразим еще некоторые важные детали...

Добродушный Главный механик взял под руку Первого флаг-капитана, отвел в сторону и прошептал:

– А почему бы и не поверить в необъяснимое, голубчик? В нашем положении глупо отмахиваться от Библии. Не кажется ли вам, что мы вполне можем повторить одиссею старика Ноя, причем, в отличие от допотопного ковчега, наши самотопы могут хоть вечность мерить мили – ничегошеньки с ними не случится.

– Вам хорошо шутить, – прошипел Первый флаг-капитан. – Вы, как я знаю, холосты и одиноки.

– Это не ответ офицера. Примите правду такой, какая она есть, – сказал Механик. – И я не понимаю, зачем с пренебрежением отмахиваться от вещей непостижимых и удивительных? В конце концов, не кажется ли вам, что таинственные мифы народов насчет зарождения Земли и ее конца более близки к истине, чем все эти разглагольствования с указкой? Вот что скажу: предки были несравненно мудрее. Достаточно вспомнить их сказания о сотворении мира. Вспомните, из каких капель в преданиях скандинавов возникло тело великана Имира? И опять-таки, в конце потоп, Рагнарек, вселенский Ужас. Финны чтили прекрасную деву Ильматар... По их легендам, тоже поначалу ничего не было – дева парила в облаках, милая, словно дитя природы, а вокруг простиралось море. Затем началось чудесное создание Земли, а заодно и Вейнемейнена. Не буду вспоминать греков с их титанами и богами, Атлантиду и прочее... И все ведь заканчивается потопом! Нам просто повезло, что мы вовремя оказались на галошах.

– Все это весьма поэтично, – огрызнулся собеседник. – Но все-таки, уважаемый, прекратите пороть чушь.

– Нет, вы не поэт, – со вздохом отвечал Механик Первому флаг-капитану. – От формул меня тянет в сон. Формулы – безжизненные скелеты, их реальность ужасна. Я уверен – происходит то, что невозможно объяснить. Все эти разговоры о противнике и его гениальных технологиях – чепуха! Мы действительно просто-напросто остались одни! Господь Бог пожалел или решил подшутить, кто знает... Я верю в необъяснимое. Знаете, среди нашей рати священнослужителей есть такой парняга – лама. Та к вот – он верит в необъяснимое. Остальные – те, кто носит кресты и чалму, – нет! По лицам видно – не верят. А вот бурят – с удовольствием. Чтобы ни случилось. Милейший человек, если желаете с ним познакомиться. Правда, еще поп с «Чуда» мне симпатичен. Решителен и суров – и не дурак насчет выпивки.

– Идите в бар или куда вам заблагорассудится, – прошипел Первый флаг-капитан. – Отстаньте от меня, наконец, с вашими ксендзами и чудесами.

– И все-таки мы остались живы, – сказал Механик с благодарностью. – Не взлетели на воздух, не отравили все вокруг, не превратились в бледный пар... Мы живы – вот в чем штука! А ведь тащились к Карибам, как на собственные похороны. Любой биндюжник в порту знал, куда мы идем. Спросите любого матросика – наши шансы на жизнь равняются нулю. Вот что он бы вам ответил! А сейчас – живы. Попы всех нас готовили к вечному блаженству через патриотическую смерть от ответного атома. Интересно, что они сейчас на это скажут, – наверняка тоже привлекут Господа Бога.

– Да вы пьяны! – вконец обозлился Первый флаг-капитан. – Убирайтесь, пока Адмирал не принял!

Главный механик с удовольствием послушался совета. Покачивая головой, он потихоньку отошел от карьериста и на роскошном, в зеркалах, лифте, в котором сразу же отразилось друг от друга множество уходящих в бесконечность Главных механиков, отъехал в бар носовой кают-компании. Там стюард из вольнонаемных услужливо и ловко метнул на столик запечатанную бутылку «Уокера».

– Сервус, старина! – бормотал Механик, поворачиваясь к зеркалам и приветствуя сам себя. – Мы живы. Господь, ради развлечения, оставил всю эту свору в живых. Интересно, что мы теперь будем поделывать?

Главный электронщик тем временем продолжал разоряться. Он даже увлекся.

– Таким образом, – восклицал он, – длина волны есть расстояние между двумя последовательными точками одинакового состояния колебания... Поедем дальше...

Однако дальше Адмиралу ехать не хотелось.

– К черту волны! К дьяволу ваш снобизм! Вы сами толком можете объяснить, что случилось?

Электронщик вытер пот, нервно согнул указку и честно сказал:

– Нет.

– Все ясно. Вызовите священнослужителей, – распорядился Адмирал.

Священники явились на борт «Убийцы» маленькой важной толпой. Им объяснили, в чем дело. Достаточно было взглянуть на их лица, чтобы понять, каков будет ответ.

– Только не вмешивайте в это дело Господа Бога! – сразу затыкая все рты, предупредил Адмирал. – И молчите с паствой до особого распоряжения.

Попы, ксендзы, мулла и бурят-лама развели руками.

– Новый экипаж на мостик! – последовала команда.

– Сынки, – обратился Адмирал к двум очередным летунам-лейтенантам. – Прочешите пространство с севера на юг. Если заметите в волнах хоть бочку, хоть полено плавающее – немедленно информируйте!

Вызывая нездоровый ажиотаж на кораблях, «Чудо» вновь развернулся, и рев раздался над океаном. Дымным шлейфом на время заволокло горизонт – и на экранах радаров высветилась лишь одна безнадежная в своем одиночестве точка. Скоростной монстр удалялся. Священник с вышеупомянутого «Чуда» не мог отказать себе в удовольствии прошептать в бороду:

– Вот вам Содом и Гоморра. Допрыгались.

Адмирал угрюмо ждал. Пронесся над мостиком тропический ливень – Армада скрылась в шквале, и на свиту мгновенно вылилось несколько миллионов ведер воды, но никто не посмел оставить флагман. Уже сутки корабли качались на одном месте: домыслы и слухи разрастались с невероятной быстротой. В кубриках всерьез заговорили о том, что залпа с кораблей не будет – из строя вышли ракетные комплексы – и, по всей видимости, ударят самолеты. Летчики от этого слуха здорово приуныли. Мичмана и капралы на авианосцах ломали голову, недоумевая, для чего понадобилось посылать разведчики. Адмирал нервно жевал столь любимые им сухарики. Подобная диета вызывала оскомину у любивших застолья флаг-офицеров, однако им ничего не оставалось делать. Вестовой разносил поднос с едва тепленьким жидким чаем, и, вслед за начальником, свита дружно хрупала сухарями.

Ни единой бочки, щепки или куска дерьма летчики не разглядели и вернулись потрясенными.

– Конечно, я понимаю, вы будете держать язык за зубами, но чем черт не шутит... Запереть их с первым экипажем, – распорядился Адмирал, и с летунами разобрались в считанные минуты.

Между тем триста пятьдесят гидроакустиков напрасно вслушивались в океан, три тысячи операторов совершенно зря караулили экраны мониторов. Ни одной цели никто из них не услышал и не разглядел – киты и акулы были не в счет. Приготовившаяся к бравой и мгновенной смерти за отечество Армада замерла. Она была потрясена бездействием. Она недоумевала. Все, от первогодков до старослужащих, понимали – творится что-то неладное – и с палуб задирали головы на недостижимую высоту фок-мачты, где на мостике топтался вершитель их судеб. Вот уже вторые сутки он не сходил вниз с «Поднебесной». Кроме свиты и временами приглашаемых на мостик офицеров, которые возвращались с каменными лицами, никто не мог его лицезреть. Великая тайна сковала Армаду. И кубрики, и кают-компании маялись в томительном, почти сладострастном ожидании.

В тот же вечер, после возвращения очередного «Ворона», священник «Чуда» отдыхал в носовой кают-компании авианосца. Этот клуб для избранных, с колоннами и мебелью из ливанского кедра, с прекрасно вышколенными стюардами, с великолепными репродукциями Малых голландцев, не имели права посещать офицеры младше чина капитана первого

ранга. Кают-компания «Чуда» была гордостью местных снобов. Ничего подобного не существовало на однотипном «Юде». И роскошью, и манерами персонала она на равных могла соперничать с кают-компаниями флагмана. Посреди зала красовался великолепный бильярд, обтянутый прекрасным английским сукном. Священник любил в свободные от служения минуты, как он сам выражался, «обтяпать партейку-другую». За игрой коротал часы и еще один посвященный в тайну – Главный штурман. Временами игроки подходили к мраморному столику, на котором на подносе горкой лежал чернослив. Разговор был расслабленный, но от этого не менее серьезный.

– Пожалуй, Господь, как бы там ни кривился наш Македонский, вновь отвел беду – спрятал от нас материки, подобно граду Китежу, – серьезно сказал поп. – И впрямь, отчего бы Ему в очередной раз не явить волю Свою? Тем более такое бывало неоднократно.

Главный штурман лакомился черносливом. Затем, внимательно осмотрев кий, от души треснул по шарам.

– А Хиросима и Нагасаки, батюшка?

– Предупреждение. А представьте себе, что могло бы случиться, если бы атомом завладели немцы!

И батюшка, загнав в лузу очередной номер, продолжил:

– Не чем иным, как вмешательством Господа, того, что случилось с нацистами, не объяснить... Поначалу история с тяжелой водой и графитом! «Наци» вполне могли выбрать графит, и тогда американцы плакали бы со своим «манхэттенским проектом». Однако немцы отдают предпочтение тяжелой воде – и миру дается отсрочка! Затем – конференция и ошибка простой машинистки. Простая опечатка, благодаря которой ни один из бонз Третьего рейха, имеющих реальное влияние на развитие событий, на конференцию не явился. А если, скажем, Борман или Геринг все-таки прибыли бы к этим сумасшедшим и сообразили, чем все может кончиться? Идем дальше – единственный завод, выпускающий тяжелую воду, находился в Норвегии. И здесь не дремали англичане: пара засланных диверсионных групп – и завод взлетает на воздух. Опять отсрочка! Наконец, Всемогуший ссорит двух крупнейших немецких физиков буквально накануне германской катастрофы. Итог – ни тот ни другой не успевают ничего сделать, догадка насчет графита приходит слишком поздно, реактор не запущен. И мир вздохнул свободно... Вот это и называется Провидением!

Добродушно бая, поп вчистую разлопатил штурмана и, загнав победный шар, провозгласил:

– Как бы там наш Цезарь ни затыкал нам всем рты, но все же кесарю кесарево, а Богу Богово. Ей-ей, голубчик, я не собираюсь возвращать вас, старого пьяницу и матерщинника, в лоно церковное, но согласитесь: без вмешательства Божественных Сил на самых ответственных этапах истории человеческой не обойтись. Вы проиграли! Расплачивайтесь.

Штурман гаркнул на весь салон вестовому, и бутылку прекрасной водки с полынью и чабрецом «Умри за Отечество» тут же была распечатана.

Мичман с авианосца «Чудо» был безнадежно молод. Мичман с авианосца «Чудо» носил скромные усики, выше всего ставил честь и был напичкан всякой другой чепухой, впитанной на уроках этики в Морском кадетском корпусе. Кроме того, он хранил на груди медальон с локонами своей возлюбленной – семнадцатилетней кокетки, которая, стоило ему только выпуститься и уехать на флот, тотчас забыла о его существовании. Но с молоденького рыцаря было достаточно того, что он о ней помнил! Впрочем, мичман с «Чуда» мечтал не только о чистой любви. Он мечтал о благородной дружбе, мечтал отдать всего себя отечеству, он готовился к штурманской лямке – о чем свидетельствовал отличный аттестат. Однако, зачисленный в экипаж авианосца, мичман тотчас оказался в дублирующем составе, а затем, судя по всему, о нем забыли. Штурманов на Армаде оказалось предостаточно, молодежью

никто не хотел заниматься, тем более жить всем оставалось считанные недели, и такие, как наш герой, выпускники только путались под ногами. Каждый день после завтрака и построения «желторотики» оказывались предоставленными сами себе и уныло слонялись по палубам. С молодыми артиллеристами еще иногда возились, но что касается вновь прибывших электронщиков, спецов радиоразведки и штурманов – эти несчастные тайком пили в каютах, резались в «двадцать одно» и затевали между собой ссоры, ожидая дня «икс», который так и не наступал.

Наш мичманенок поначалу еще пытался топтаться на командном мостике и раза два подавал рапорт командиру, который неизменно накладывал свое вето на его законные требования. В конце концов слишком ретивому мичману запретили появляться на глаза начальству. Весь ужас безделья мгновенно навалился на него. Он готовил себя к чему угодно – к бессонным, черным как сажа ночам, к переходам, побудкам, штормам, манящей неизвестности, но ни о каких бессонных ночах на посту не могло быть и речи. По ночам авианосец светился огнями, четыре его электростанции вырабатывали столько электричества, что его хватало не только на полную иллюминацию мачты и палубы, но и на самые мелкие подсобные помещения, и на роботов-стюардов – последнее ноу-хау отечественного сервиса. Эти роботы поглощали невиданное количество энергии, они ее просто жрали. В итоге все предусмотрительно захваченные с собой книги по штурманскому делу были прочитаны по десять раз, все компьютерные игры преданы анафеме. Со скуки мичман даже забрел в корабельную церковь, но проповедь показалась ему чересчур примитивной. И однажды ночью он окончательно понял, что авианосец принесет его, словно барашка, в жертву, не потребовав ровным счетом ничего: ни героизма, ни любви, ни самопожертвования. Он будет, как и все пятнадцать тысяч человек экипажа, мгновенно превращен в жертвенный пар, отдан Молоху совершенно безответственно и просто, словно винтик, перекатывающийся по палубам. И, что самое страшное, винтик совершенно бесполезный. Осознав это, мичман заплакал. Он долго лежал, с головой укрывшись одеялом, обдумывая свое катастрофическое положение, и от отчаяния хотел было затеять новый рапорт, но, обдумав, понял, что легче ему будет покончить с собой. Он даже представил, как в полной парадной форме с кортиком, прямо в глаза врезав всю правду-матку командиру «Чуда», перешагнет через ограждение мостика и обрушится на палубу с высоты пятидесяти семи метров. Разумеется, он достойно шмякнется перед носом очередного поднимаемого из ангара на профилактику стратегического бомбардировщика. Юная кровь окропит переднее шасси монстра, и все будет кончено. Так, поворочившись и осознав свою бесполезность для мира, мичман покинул каюту и по бесконечным коридорам и трапам, постоянно спотыкаясь о комингсы, выбрался на свежую ветреную палубу. Его подташнивало от безнадежности. Авианосец рассекал океан настолько спокойно, что палуба, залитая луной и звездами, которые сочувственно подмигивали обреченному, даже не вздрагивала. Светились кабины дежурных «разведчиков», сквозь прозрачные колпаки было видно, как летчики перемещаются внутри самолетов. Мостик, с которого мичман собирался спикировать, угрожающе чернел, и над ним, на невероятной высоте фок-мачты, словно зловещая звезда, мерцал топ-огонь. Огни Армады мелькали справа и слева, и звездная ночь освещала «Убийцу Неверных». И вновь осознание того, что бездушные механизмы, наведенные на цель не менее бездушными компьютерами, все совершат без его участия, заставило юнца прослезиться.

Патруль, состоящий из флаг-офицера (одного из тех снобов, которые обливают презрением все, что находится ниже их капразовских погон, и в портмоне носят пилочки для ногтей) и двух морских пехотинцев, грубо окликнул его. Мичмана спросили, какого лешего он шатается по ночной палубе. Пойманный пролепетал что-то насчет свежего воздуха. Флаг-офицер, снисходительно выслушав эту убогую ложь, посоветовал «желторотику» отправиться обратно в койку. «Вы, видно, забыли, где галльон, сударь. Та к вот, действительно

рекомендую разыскать его в вашей каюте!» То, что капраз издевательски позволял себе так обходиться с младшим по чину в присутствии рядовых пехотинцев, мичмана окончательно добило. Он безропотно подчинился и отправился обратно, твердо решив не сегодня, так завтра совершить ритуальное самоубийство.

С тех пор, морально готовясь к отчаянному прыжку, мичман бродил по чреву авианосца, забираясь все глубже и глубже в его колоссальное нутро. Он уже потерял счет палубам, переходам, люкам и трапам. Инстинктивно он исследовал пространства бесконечных служебных отсеков, саун и прачечных, пока неожиданно не наткнулся на библиотеку, которая скрывалась за совершенно непримечательной дверью. Тотчас мичман провалился в мир, залитый спокойным зеленоватым светом. Вскоре он понял, в чем кроется кажущаяся бесконечность библиотеки. Дело в том, что все ее борхесовские коридоры образовывали кольца. Стеллажи вдоль коридоров-колец были трехъярусные – через каждые двадцать метров поднимались к последним ярусам железные лесенки. Первый коридор, самый большой по радиусу, целиком посвящался авторам, фамилии которых начинались на «А». Следующее кольцо полностью занимали фамилии на «Б» и так далее. По какому-то неведомому закону, а может быть, и по здешнему принципу, количество фамилий на «В», «Г», «Д» уменьшалось, и им были посвящены меньшие коридоры-кольца. Но даже самое маленькое кольцо вместило в себя около трехсот тысяч книг и дисков на «Я», о чем свидетельствовали каталоги на стенах. И повсюду мичмана встречали гималайская тишина и все тот же мягкий зеленоватый свет, горящий, однако, достаточно ярко для того, чтобы можно было читать, не напрягаясь. Этот свет, это подводное спокойствие действовали исключительно умиротворяюще. Сумев проникнуть через все двери, мичман наконец добрался до ядра – маленького читального зала. Сидящий за одним из столов лейтенант-библиотекарь из вольноопределяющихся поднял голову. Лейтенант нисколько не удивился случайному посетителю этого в высшей степени забытого места, в котором вполне мог находиться сам Грааль. Зеленоватая лампа освещала его лицо – суровую физиономию настоящего индейца, взгляд был жутким. Самое удивительное, юнец каким-то необъяснимым чутьем понял, что его ждали и ему уже больше не уйти от этого бруха. Вольноопределяющийся захлопнул старинную книгу (то, что книга была старинная, мичман понял опять-таки все тем же чутьем) и подал глухой потусторонний голос:

– Войны не будет!

По-видимому, он уже все знал.

– Должен вас уведомить, молодой человек, – продолжил странный лейтенант. – Закляние всех нас на алтарь отечества откладывается на срок достаточно неопределенный. Но есть вещи пострашнее войны.

Заметив, что мичман недоумевает, библиотекарь заявил:

– Мне совсем нет дела до того, понимаете вы меня сейчас или нет. Долгие месяцы, удалившись сюда от всего этого бедлама, я гадал, кто первым появится в зале передо мною, и загадал одно – первый и будет избранным... Не надо пока ничего понимать! – воскликнул он, увидев, что мичманенок открыл рот. – Слушайте, даже если вам все покажется непонятным. Итак, я продолжаю – вошли именно вы. И я объявляю вам, что вы избраны! Вы, разумеется, не знаете, как святые отцы выбирали папу римского? А ведь ничего проще такого выбора не было, кардиналы собирались и выносили решение: считалось, что их решением руководит сам Господь, – не они решали, а Он решал через них. Поэтому папа тотчас объявлялся безгрешным – ведь не может же ошибаться Всевышний! Та к что слушайте, ибо, объявившись сегодня, вы обязательно придете сюда на следующий день – тем более свободного времени у вас предостаточно. Разумеется, я не питаю иллюзий – вы олух царя небесного, как и вся эта наспех присланная молодежь! Тем лучше. Бог в свое время избрал пастухов и сделал наивных кочевников своим народом. Заметьте – не испорченных жрецами и знани-

ями египтян Он повел за собою, а людей диких и простодушных. Именно их головы еще не были засорены, именно они могли внимать Его скрижальям! Та к что среди вас, молодых, мне ничего не стоит найти парочку-другую карбонариев, согласных на все ради высокой цели. А то, что цель будет высока, – не сомневайтесь!

Библиотекарь помолчал, собираясь с мыслями.

– Войны не предвидится, но грядет нечто не менее ужасное, и наша с вами задача – предотвратить это нечто. Вижу, вижу! – совершенно серьезно провозгласил он, вперившись убийственным взглядом теперь уже в книжную стену позади мичмана. – Адмирал постарается захватить полную власть, и она будет ужасна. Он вообразит себя новым диктатором. Тайная полиция, наветы, пытки диссидентов... Прекратите смотреть на меня, как на сумасшедшего. Я всего лишь пытаюсь предвосхитить события. И вот что скажу – неизбежно появится избранный, которому суждено поднять восстание. Не сомневаюсь теперь, что этим избранным будете вы. У вас чистая, незамутненная душа юного человека со всеми ее порывами и острой восприимчивостью к несправедливости. Вот кто так нужен добру! Но об этом опять-таки позже. Подойдите сюда.

Видя, что мичман замешкался, лейтенант потребовал со всей строгостью сэнсэя:

– Подойдите, раз уж заявили ко мне. Просто так вы теперь не отделаетесь!

Книга, лежащая перед ним, вновь была открыта – у мичмана зарябило в глазах от незнакомого шрифта.

– Это греческий, – объяснил библиотекарь. – Тринадцатый век. Кан-дитос Хронопулос. Но суть опять-таки не в том. Сутью является то, что в тысяча сто девятнадцатом году от Рождества Христова рыцарь Гуго де Пейн пришел на землю Иерусалимскую со своими товарищами и они встали на дороге, ведущей к холму, где высился некогда храм Соломонов. Рыцари попросили отдать им дворец, который был построен на месте разрушенной святыни... Вам известен этот факт?

– Нет, – честно отвечал окончательно сбитый с толку мичман. Его бедная голова пошла кругом.

– Тамплиеры! – воскликнул Учитель. – Самый таинственный из всех существовавших когда-либо на земле орден, возводивший невиданные храмы и расплачивающийся за все это американским серебром. А чьи флаги были на каравеллах Колумба? Кого так преследовал Красивый? Кто тайной сетью своей захватил мир и удерживал его вплоть до сегодняшнего времени? Короче, нам нужен орден! – заявил лейтенант. – И немедленно. Нам нужно Братство, скрепленное кровью, которое, засучив рукава, приступит к переустройству мира. Для начала разыщите двух-трех надежных братьев. И с этой минуты – никакой грусти, никакой сентиментальности, все должно быть отдано делу. Кое-что я уже приготовил для вас.

Он вытащил из стола стопку книг, и мичман ошалело протянул руки, чтобы ее принять.

– Знаю, у себя в корпусе вы не очень-то занимались философией. Теперь придется поправить дело. Вы должны явиться сюда через несколько дней. Читайте: я собрал все, чтобы хоть немного вас информировать: тамплиеры, розенкрейцеры, масонство. В добрый час!

– Ничего не понимаю, – пробормотал несчастный мичман.

– А что тут понимать? Убирайтесь к себе в каюту и приступайте к чтению. То, что на самом деле произошло, не сегодня-завтра станет известно всей Армаде. Они просто-напросто не посмеют долго скрывать эту тайну. И тогда, не сомневаюсь, начнется новый отсчет времени. Нам необходимо к нему подготовиться, поэтому заклинаю вас, читайте. Приказываю, как старший по званию.

Мичману ничего не оставалось делать. Привычка тотчас сказала в нем. Он вытолкнул из себя сакраментальное «есть» и повернулся на каблуках.

Та к началась история заговора.

– Это ни в какие рамки не лезет! – Адмирал поднялся из своего любимого плетеного кресла, которое часто теперь выносили на мостик.

И очередных вернувшихся летчиков, провисевших в воздухе около двух суток в безнадежной попытке хоть что-нибудь обнаружить, препроводили под надежный замок к товарищам.

Стадо штабных, включавшее в себя Главного штурмана Армады, Главного электронщика, Командира летного корпуса и прочей мелочи, торчало позади кресла. Адмиральские сухарики стояли у всех в горле. Чай разносили каждые пять минут, но толку от него не было никакого – все на ходу засыпали. Однако совещание продолжалось. Под галогенными лампами в Центральном посту остались забытые карты. Дежурные давно уже отошли от пустых экранов. Начальники трех носовых и одной кормовой башен, старые сослуживцы, которым Адмирал доверял больше других, в почтительном молчании стояли к нему ближе всех. Субординация соблюдалась неукоснительно, и, пока Адмирал разговаривал сам с собой, никто не смел и слова вставить в его редкие монологи.

Серое утро занималось над океаном, в небо безнадежно задрались орудийные хоботы. У рулей застыли ослотившиеся рулевые – их тоже не сменяли все это время, стараясь не допустить утечки информации. Пробили склянки, и Адмирал вновь принялся мерить шагами расстояние от рубки до ограждения мостика. Командиры кораблей откровенно позевывали, стоило только задумавшемуся старику повернуться к ним спиной. Вновь пробежался беззаботный тропический ливень. Все, следом за упрямым стариканом, перешли в рубку. Там, уткнувшись лбом в смотровой иллюминатор, Адмирал сопел, словно дряхлый, измотанный жизнью бульдог. В его бравых мозгах запечатлелось одно – Земли более не существует. Следовательно, вся эта громада металла и взрывчатки, все эти самолеты, сверхскоростные ракеты, легионы штабных, часовые у флагов, сигнальщики, рулевые, снующие сейчас внизу боцмана и салаги и, наконец, он сам уже никому не нужны. Материки растворились в пучине, столицу поглотили океанские волны. В президентском дворце отныне живут глубоководные рыбыны, и некому доложить: «„Удар Кувалды” приведен в действие, господин президент»... Нет ни целей, ни портов возвращения. Проститутки ушли на дно вместе с домами терпимости. Угроза небес все-таки свершилась. И, судя по всему, Армаде до скончания века придется болтаться в море, а в нем не будет ни одной отмели, ни единого островка, возле которого можно кинуть якорь. Что же касается атомных реакторов и запасов продовольствия – они гарантируют вечное плавание. От этой реальности можно было запросто сойти с ума!

На исходе третьих суток катастрофа как данность окончательно дошла до адмиральского сознания. Теперь, когда президента не существовало, следовало действовать самому.

– Соберите команды, – распорядился Адмирал. – Я выступлю с речью.

Главный психолог, натура тонкая и нервная, не выдержал воцарившегося тотального напряжения и взял робкое слово:

– Осмелюсь доложить – ввиду чрезвычайной важности, речь должна быть исключительно продуманной. Иначе мы сведем с ума половину экипажей... Я не имею в виду кадровое офицерство. Но что касается людей гражданских, только что призванных на флот, существует опасность, что нервные особи просто не выдержат! Факт нашего одиночества слишком, я бы даже сказал, невероятен и страшен. К тому же многие имеют семьи. Если правда обрушится на них как снег на голову, мне кажется...

Адмирал язвительно перебил:

– Разумеется, я не дурак!

– Я уже кое-что набросал, господин Адмирал, – продолжал бормотать Психолог, выступая вперед.

– Да? И что вы собираетесь предложить?

– Разрешите вслух?

– Читайте!

– Предлагаю начать обращение со слова «братья», – приободрился Психолог. – Прежде всего, надо упираться на то, что победа одержана. Америки не существует, следовательно, Армада выполнила задачу. Затем рекомендую осторожно намекнуть на то обстоятельство, что жертвы, понятно, велики. Нам пришлось пожертвовать самым дорогим, а именно всей нашей территорией с ее городами, правительственными органами и столь милыми нашим сердцам родственниками. Но тем не менее люди не должны терять надежды...

– Ближе к делу.

Психолог откашлялся и окончательно решился:

– Уважаемые члены суровой и преданной Родине команды! Братья! Да, да, с этих пор я могу назвать вас своими братьями, ибо свершилось то, ради чего сюда, в карибские воды послало нас Отечество, – враг повержен! Я торжественно заявляю – ненавистной Америки, в которой сатана свил свое гнездо, не существует более! Справедливость восторжествовала, и победа, в которой не сомневалось наше руководство, осталась за нами! Нет более города великой блудницы и желтого дьявола! Новый Вавилон рухнул, башни его снесены. Отвратительное капище мировых торговцев, нуворишей, ростовщиков с их культом наживы и денег пало! И острием разящего меча явились мы, братья, мы, и никто другой! Об этом я, Адмирал Армады, торжественно заявляю вам и радуюсь этому событию вместе с вами... Но торжество далось дорогой ценой. И не могло быть иначе...

– С ума можно сойти, – шептались в офицерской толпе. – Отпустит старик нас, в конце концов, или нет? Невыносимо слушать ахиною.

Психолог заливался, как тетерев на току.

– Достаточно, – оборвал Адмирал. – Все ясно. Давайте сюда свои писульки. Команды построить. Динамики включить по всей Армаде. Все свободны!

Через считанные секунды лифты оказались битком забиты спускающейся с небес на палубу элитой. Командир «Юда» признался Главному штурману:

– Если старик позволит себе краснобайствовать перед всеми этими построенными во фронт скотами больше пяти минут, честное слово, я упаду в обморок.

К адмиральскому трапу один за другим подходили катера. Спускаясь, начальники пошатывались, рискуя свалиться в океан. Поливаемые пронесившимся тропическим дождем, они уже не обращали внимания на свой жалкий вид и просто чудом не засыпали прямо на ходу. Стоило только катерам пристать к эсминцам и авианосцам и выгрузить начальство, засвистели дудки боцманматов. Топот ног заглушил остальные звуки. Трапы гудели от перенапряжения. Не успел прозрачный звук горна раствориться в воздухе, самый главный небожитель появился на командирском мостике линкора в парадном кителе с поблескивающими наградами. Стоящим внизу он казался белой мухой. Теперь тысячам непосвященных стало ясно – час «икс» надвинулся и всемирный убой не за горами. Мичмана светились счастьем готовящегося самопожертвования. Никто, кроме тех, кто знал, в чем истинная суть обращения, не сомневался – приказ будет отдан. Все те же мичмана, поедая щенячьими, полными восторженных слез глазами мостик, готовились войти в историю. Гроном прогремело по кораблям:

– Флаг и гюйс поднять.

Сразу же после этих торжественных слов Адмирал недоверчиво постучал по микрофону – морское братство в тужурках и форменках замерло.

Адмирал внес в предоставленные Психологом бумаги свои коррективы. Речь была коротка и оглушительна, как залп тридцатичетырехдюймовки.

– Камрады! Цели больше нет. Нам суждено вечно болтаться по океану. Скорблю об ушедших под воду ваших матерях, женах и прочих родственниках. Распорядок на кораблях прежний. Напоминаю: суд действует по законам военного времени.

Психолог упал в обморок, но ряды даже не шелохнулись.

После этого блестящего, полного экспрессии выступления командир «Сволочного» удалился в свою роскошную трехкомнатную каюту. Нажав на кнопку шкафа, он получил тщательно выглаженную парадную форму и, надев ее, позвякивая и шурша аксельбантами и многочисленными медалями, при кортике и фуражке присел к столу, положив перед собой внушительный револьвер. С фотографии улыбалась ему его многочисленная семья; родственники специально запечатлели себя перед отплытием обреченного корабля. Теперь все они, включая дядюшек, тетушек, сестер, братьев и, наконец, его собственную жену с детьми, строго наблюдали за действиями капитана первого ранга. Тот не спеша докурил сигару, отдал честь семейству и пробормотал:

– Ума не приложу, что теперь будет поделявать старикан со всем этим сбродом. Но не сомневаюсь – впереди веселые деньки.

И залепил себе полноценные девять грамм.

– Трусливая сволочь, – брезгливо откликнулся Адмирал на трюк командира «Сволочного». Он повернулся к дежурному: – Подготовьте новый приказ. Те, кто впредь затеет самоубийство, будут приравняться к дезертирам, лишаться наград и званий и отправляться к трюмным. Пожизненно!

Удивительно, но опасения за умы экипажей оказались напрасны. Подобным фактом был посрамлен скептицизм Главного психолога и Главного корабельного доктора. И тот и другой ожидали наплыва посетителей – его не последовало. То ли сыграла свою роль выданная матросам в тройном объеме водка, то ли никто еще до конца не смог осмыслить всю серьезность положения. Та к или иначе, но из ста с лишним тысяч приговоренных на вечное плавание сошел с ума только механик с «Отвратительного», да и то совершенно по другому поводу. Пропустив из-за вахты смотр, он тем же вечером выиграл у сговорившихся товарищей в карты невероятную сумму, которая решительно никому теперь была не нужна. Шутники охотно поддавались – механик в азарте ничего не заметил и в конце концов рехнулся от счастья. С долговыми расписками и деньгами во всех карманах, подобно гашековскому персонажу, он бегал по кораблю в тщетной надежде распорядиться своим внезапно свалившимся на голову богатством.

В тот же самый вечер на резонный вопрос Главного штурмана, куда теперь держать курс, Адмирал впервые не мог дать ответа.

– Бессмыслица, коллега! – заявил на исходе первой недели подобного плавания Главный корабельный доктор Главному психологу. И с грохотом, словно игрок в домино, припечатал к столу две мензурки с толстыми стенками. В своей каюте он угощал собрата сногшибательным эликсиром. – Космическая, вселенская, я бы даже сказал, божественная бессмыслица! – продолжил врач. – Главный вопрос ближайшего времени – чем заполнить существование! Всем нам надо поразмышлять об этом. Тем более времени предостаточно

и вопросик архисерьезнейший. Прежний смысл потерян, и, судя по всему, бесповоротно. Теперь, как говаривал Пушкин, согласно «силе вещей», для корабельного племса жизнь неминуемо должна рассыпаться на множество маленьких смыслов. Перед стариком нелегкая задача: прежде всего, нужно дать новую веру всему этому матросскому сброду, сообразить какую-нибудь идею, придумать хоть черта в ступе. В конце концов, можно пообещать Царствие Небесное. Или вообразить, что в океане сохранился хоть какой-нибудь осколочек суши с чудом выжившим там племенем амазонок. Людям нужно заморочить головы – чем быстрее, тем лучше!

Психолог опрокинул мензурку – силы и самообладание изменили ему, он всхлипнул. Главврач по-прежнему держался молодцом и постучал пальцем по клетке с любимой канарейкой. Птичка с готовностью ответила.

– Каждому свое. Разумеется, и я не перестаю утверждать это, мы балансируем на грани безумия. Чтобы пресечь панику и разложение, потребуется жесткая власть. Если старик не дурак, он выстроит иерархию, создаст преторианскую гвардию и будет править кнутом и пряником, бросая толпе хлеб и зрелища. Вплоть до гладиаторских игр. В этом случае нам необходимо немедленно повести свою игру, мой милейший коллега!

– Что вы имеете в виду? – еще раз всхлипнул Психолог.

Главврач ухмыльнулся:

– Прежде всего, я имею в виду то, что нам, как биологическому виду, не привыкать к одиночеству. Человечество, мир его праху, само по себе было вселенски одиноко в своем существовании. И вынуждено было прозябать на ничтожном шарике посреди невообразимой, немислимой космической пустоты. Но тем не менее оно ведь не сходило с ума от сознания собственного ничтожества и в конце концов всегда находило себе миллионы различных смыслов. Писатели писали, врачи лечили, жестянщики лудили посуду, и Македонские то и дело старались захватить лучший из миров. И все как-то спасались! Та к в чем же дело, коллега?

– Не понимаю вас, – вздохнул Главный психолог, которому сивуха здорово ударила в голову.

– Что же тут понимать, батенька? Наполните свой мирок, пусть даже ограниченный (а у кого он не ограничен?), хоть каким-нибудь смыслом – и одиночество, этот предвестник помешательства, отступит. И здесь нужно быть хитрее, умнее прочих.

– Нет, не понимаю, – шептал несчастный.

Главврач стоял над ним руки в боки, светясь цинизмом и хладнокровием:

– Подскажите старику, пользуясь своим положением, что делать. Станьте его советником – и тогда вы себе и мне обеспечите место в стае. Номо homini lupus est. Да очнитесь же! Этот дряхлеющий патриарх неизбежно окажется перед выбором: либо он будет сожран более молодыми и честолюбивыми негодьями, либо немедленно возьмет власть в свои руки и покажет сброду, кто здесь хозяин. И именно сейчас я и вы со своими знаниями человеческой природы будем ему просто необходимы. Подскажите ему, как создать тайную полицию и укрепить свое положение, натравливая одного на другого. Как выстроить идеологию, пусть даже высосанную из пальца! Как заморочить головы сказкой про чудом сохранившийся клочок земли. Как найти заменитель женщин – хоть кукол наделать, – но ни в коем случае не допустить мужеложства. Не буду вам даже и доказывать, что из-за педерастов рушились целые империи. В муравейнике должен быть свой фараон, коллега. Должно быть все, на чем держится власть, – страх, плетка, ложь. Если вы вовремя все это ему не подскажите, вас опередят другие. Кто успел, тот и съел. Та к что – немедленно ступайте к нашему бульдогу. Становитесь его советником, союзником, влезайте к нему в доверие. Не гнушайтесь ничем. Вспомните Макиавелли. Идеи правят миром, так дайте ему идею! И тогда ни мне, ни вам

не придется ни о чем жалеть. Мы очутились в идиотском положении, но выход очевиден. Нечего изобретать велосипед... Дерзайте, дерзайте и не забывайте про меня.

– Мы сейчас пьяны, – пробовал было робко возразить Психолог.

– Скифы принимали важные решения во хмелю – и решения, как правило, оказывались самыми верными!

Произнеся эту иезуитскую речь, Главврач тяпнул еще одну мензурку своего огненного пойла и торжественно закурил «Матросскую душу» – он любил, чтобы дым раздирал горло, словно наждачная бумага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.